

ПУШКИНИСТИКА  
PUSHKIN STUDIES

---

УДК 821.161.1

**ШПИЦ, ШИПЕНЬЕ, ШАХОВСКОЙ...**

© Довгий Ольга Львовна (2021), ORCID: 0000-0002-3957-7857,  
SPIN-код: 1275-8614, доктор филологических наук, старший научный  
сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ло-  
моносова (Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1) olga-  
dovgy@yandex.ru

В статье представлено несколько микросюжетов, основанных на онома-  
тических и бестиарных параллелях комедий князя А.А. Шаховского и двух  
пушкинских сочинений: «Евгений Онегин» и «Граф Нулин», позволяющих в  
ином свете увидеть присутствие «колкого Шаховского» в творчестве А.С. Пуш-  
кина. На примере «мелочей» — текстуальных совпадений в сочинениях двух  
авторов, большинство из которых отмечается впервые, — продемонстрированы  
принципы микрофилологического подхода к работе с «фондом готового слова»  
русской поэзии, ее *сопиа гегум* и *сопиа верборум*. Специфика этого метода — во  
взгляде из глубины микроуровней текста вверх, на уровень смысла; в переносе  
исходной точки интерпретации на уровень текстуальных совпадений, общих  
словесных формул. К таким перекличкам принято относиться свысока, говорить  
о них в самом конце и вскользь; между тем собирание, систематизация и анализ  
функционирования текстуальных схождений позволяет не только по-новому  
(изнутри текста) взглянуть на парные творческие отношения писателей, но и  
иначе увидеть всю картину русской литературы — в ее глубинных генетических  
взаимосвязях. Текстуальные переклички не знают жанровых границ, легко пе-  
реходят из комедии в роман и поэму, из прозы в поэзию. Они парят между ста-  
рым и новым контекстом, сохраняя память об обоих и освещая каждый из них  
новым светом. Каждая такая «мелочь» — если не пожалеть времени и проследить  
ее «новую жизнь» в сочинениях разных авторов — может быть развернута в  
сложный интертекстуальный сюжет.

Большинство совпадений в текстах двух писателей отмечается впервые.

*Ключевые слова:* А.А. Шаховской, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»,  
«Граф Нулин», фонд готового слова, микрофилологический подход.

Бутылка зашипит — и пробка: в потолок!

[Шаховской 1961, 306]

Вошел: и пробка в потолок...

[Пушкин 1960, 17]

В эпиграф вынесены две цитаты – из сочинений Шаховского и Пушкина, заканчивающиеся одинаковой формулой «пробка в потолок». Пушкин шипящую бутылку Шаховского разольет по пенистым бокалам, и они зашипят в свете голубого пламени пунша. А звук «ш» будет напоминать об одном из «князей на Ш»<sup>1</sup>.

Там вывел колкий Шаховской  
Своих комедий шумный рой...  
[Пушкин 1960а, 18]

Разумеется, этими двумя строчками из первой главы не ограничивается присутствие Шаховского в романе. О том, как шумят и шипят реминисценции из комедий «колкого Шаховского» у Пушкина, и пойдет речь<sup>2</sup>.

Предлагаемые микросюжеты сгруппированы нами в два неразрывно связанных раздела (ономастический и бестиарный), каждый из которых делится, в свою очередь, на новые подразделы. И это тоже проявление микрофилологического подхода: дробное и подробное членение текста. Каждый из микросюжетов можно развернуть в монографию.

#### **1. Встречи на путях ономастики.**

*Ба! это, кажется, Онегина рука!..* [Шаховской 1961, 521].

Присутствие Онегина в комедии «Не любо – не слушай, а лгать не мешай» первым печатно отметил Л.П. Гроссман [Гроссман 1990, 408–409], о нем писал О.А. Проскурин [Проскурин 1999, 10], есть подробнейшая статья Х. Мейера с красноречивым названием «Онегиных есть много...» [Мейер 2004] – поэтому мы просто указываем на эту параллель.

*Признаться, Оленька здесь прелестью своей // Пленяла, как луна* [Шаховской 1961, с. 167].

---

<sup>1</sup> На самом деле первым, у кого в стихах зашипело вино, был Кантемир: «Недавно то влитое ново вино в судно // Кипит, шипит, обруч рвет, доски подувая ...» [Кантемир 1956, 92].

<sup>2</sup> Вопрос об истории знакомства Пушкина с произведениями Шаховского достаточно изучен (см. заметку самого Пушкина «Мои мысли о Шаховском» [Пушкин 1949, 302]; своды литературы по теме [Иванов 2007; Проскурин 1999]) и остается за рамками нашей статьи.

Ольга Ларина – второй персонаж, чье имя выбрано не без влияния Шаховского. Олењка из «Липецких вод», безусловно, в родстве с младшей из сестер Лариных, хотя пушкинская героиня гораздо сложнее, о чем говорит хотя бы тот факт, что у нее три формы имени (Ольга, Олењка, Оля). О связи Олењки Шаховского с Ольгой Лариной тоже есть литература [Проскурин 1999, 10], [Довгий 2020, 179] и т.д.

#### *Лидин, их сосед*

К «Шаховским» именам у Пушкина можно, без сомнения, отнести и фамилию Лидин. С него начинаются параллели, не отмеченные нашими предшественниками. Родство «Графа Нулина» с «Онегиным» несомненно. И, как выясняется, с Шаховским тоже.

Имена и фамилии героев у Шаховского часто переходят из комедии в комедию, что способствует их сохранению в памяти читателей и зрителей и включению в любое «поэтическое хозяйство», с тем чтобы «хозяин» распорядился ими по своему усмотрению.

Все в той же комедии «Не любо – не слушай...», откуда родом фамилия Онегин, среди действующих лиц значится княгиня Лидина, вдова, «чувствительная, молоденькая». Муж ее, князь Лидин, тоже присутствует:

Князь Лидии поступил учтиво:  
Скончался в тот же день, как ваш вернулся флот  
И вам вдову оставил без хлопот<sup>3</sup>.

[Шаховской 1961, 505]

Князь Лидин, как и смеющийся сосед пушкинской Натальи Павловны, – персонаж внесценический. Присутствие пары «Лидин и Лидина» дает фамилии дополнительную мнемоническую поддержку – грамматическую, за счет умножения-изменения по родам.

В прологе комедии «Игроки» – снова Лидин, на этот раз граф, молодой офицер, «птенец в мундире», который «вьется» к героине комедии Наташе. Вот и две пары: граф Лидин и Наташа у Шаховского – и «Лидин, их сосед», смеявшийся рассказу Натальи Павловны о посрамлении графа Нулина, у Пушкина. Все присутствующие у

---

<sup>3</sup> Об ассоциациях с умершим мужем и вдовой у Пушкина даже не будем здесь говорить – это особая тема.

Шаховского компоненты: граф, Лидин, Наташа<sup>4</sup> – у Пушкина налицо. Просто в комбинированном виде.

*Звала Полиною Прасковью...*

В «Онегине» Пушкин рассказывает историю Прасковьи Лариной через череду переименований и связанную с ней смену кодов одежды и, в результате, поведения и общего взгляда на мир:

Бывало, писывала кровью  
Она в альбомы нежных дев,  
Звала Полиною Прасковью  
И говорила нараспев,  
Корсет носила очень узкий,  
И русский Н как N французский  
Произносить умела в нос;  
Но скоро все перевелось:  
Корсет, альбом, княжну Алину,  
Стишков чувствительных тетрадь  
Она забыла: стала звать  
Акулькой прежнюю Селину  
И обновила наконец  
На вате шлафор и чепец.

[Пушкин 1960а, 50]

Двуименность была обычным делом в светском обществе, особенно среди дам: «...если крестное имя de jure не удовлетворяло по каким-то причинам, то его de facto заменяли другим, домашним, которое использовалось как имя для повседневного обихода...» [Пеньковский 1999, 21]. Смех Шаховского не мог не коснуться моды на смену женщинами своих имен на условно-поэтические. В комедии «Своя семья, или замужняя невеста» старуха Звонкина с осуждением рассказывает о московских обычаях, причем особенно ее поражают переименования:

Та ж мода и в Москве, я там зимой была,  
У мужниной родни, – с ума было сошла!  
Трех дочек, уж невест, нашла я у золовки.  
Большие модницы и страшные мотовки;  
Да это б не беда, кто молод не бывал?  
Ну пусть бы ездили хоть всякий день на бал

---

<sup>4</sup> Вообще, Наташа – одно из самых частых имен у обоих авторов.

И, сколько их душе угодно, веселились,  
Ан нет, совсем не то, они перекрестились  
В такие имена, что в святцах нет у нас.  
Перетой, помнится, Параша назвалась,  
Фаншетой Фенюшка; а старшую, Бог с нею,  
Так называли, что я и вымолвить не смею.

[Шаховской 1961, 338]

Параша – имя Пушкину, в принципе, не чужое; героиня с этим именем действует и в «Графе Нулине». Но игра еще тоньше: у Пушкина Полиной называют Прасковью. А Параша – это уменьшительная форма от той же Прасковьи. Итак, у обоих авторов изменению подвергается одно и то же женское имя, но трансформации идут разными путями.

*И отвечает: Агафон...*

Все помнят описание святок в «Онегине»:

Настали святки. То-то радость!  
Гадает ветреная младость,  
... Татьяна любопытным взором  
На воск потопленный глядит:  
Он чудно выпитым узором  
Ей что-то чудное гласит...

[Пушкин 1960а, 97]

Несостоявшееся гадание Татьяны традиционно связывают с балладой Жуковского, благо и имена героинь рифмуются, и описание процессов у Жуковского дано очень подробно:

За ворота башмачок,  
Сняв с ноги, бросали;  
Снег пололи; под окном  
Слушали; кормили  
Счетным курицу зерном;  
Ярый воск топили;  
В чашу с чистою водой  
Клали перстень золотой,  
Серьги изумрудны;  
Расстилали белый плат  
И над чашей пели в лад  
Песенки подблюдны

[Жуковский 1959, 18].

Да и сам Пушкин указал на источник:

Но стало страшно вдруг Татьяне...  
И я — при мысли о Светлане  
Мне стало страшно — так и быть...  
С Татьяной нам не ворожить.

[Пушкин 1960а, 98]

Но вот еще один текст, где святочные гадания описаны не менее подробно и к тому же подсвечены ироническим светом, причем явно в отношении автора «Светланы». В комедии «Своя семья, или замужняя невеста» (1817) старуха Звонкина и Наташа обсуждают святки в Москве:

Звонкина.

А пуще весело мы проводили святки:  
Сберутся девушки — тут песни, и загадки,  
И фанты, и жгуты, поднимем пыль столбом,  
Такая беготня, что задрожит весь дом.  
Чай, этого у вас нет нынче и в помине?

Наташа.

Есть, только изредка.  
... тут всю ночь  
С княжнами напролет во все игры играем,  
Хороним золото, танцуем и гадаем.

Звонкина.

А как гадали вы?

Наташа.

Да мы пололи снег,  
Смотрелись в зеркало, и, признаюсь, хоть грех,  
А лила олово.

Звонкина.

Эх, мать моя, напрасно!  
Да вышло ль что-нибудь?

Наташа.

Нет, вылилось неясно.

Звонкина.

Неужли ни венца, ни церкви, ни сердец?

Наташа.

Нет, право.

Майор.

Что таить, ей вылился венец...

[Шаховской 1961, 339].

Венец Шаховского явно в пародийном родстве с венцом у Жуковского. У Жуковского героиня гадает; у Шаховского Наташа актерствует: играет разные роли, чтобы понравиться семье жениха, заранее иронически описывая свои «спектакли». Рассказ о святочных гаданиях – откровенная постановка для старухи Звонкиной. Так что Пушкин имел перед собой разные подходы к описанию гаданий: балладный и комедийный.

А вот два фрагмента, к которым стоит присмотреться внимательнее, и они снова связаны с именами.

Пушкин:

Чу... снег хрустит... прохожий; дева  
К нему на цыпочках летит,  
И голосок ее звучит  
Нежней свирельного напева:  
Как ваше имя? Смотрит он  
И отвечает: Агафон.

[Пушкин 1960, 98]

Шаховской:

Звонкина (Наташе).

Ходили ли вы слушать у ворот  
И спрашивать, кого прохожий назовет?

Наташа (Звонкиной).

Да, мы в Васильев вечер

К воротам бегали. Хоть будь мороз и ветер,  
*И выюга страиная, а я безо всего,*  
Как в комнате хожу<sup>5</sup>, и норовлю того,  
Чтоб выбежать спросить.

Звонкина.  
Кого же называли?

Наташа.  
Прохожие всегда на смех мне отвечали.

Звонкина.  
Да вышло ль что-нибудь, мой свет, на твой вопрос?

Наташа.  
Не помню, – кажется, Исаи или Аммос  
[Шаховской 1960, 340].

Диалог налицо. Оба поэта представляют ситуацию иронически, но для иронии выбирают разные ономастические краски. Шаховской, давая имена библейских пророков, идет по линии иронического возвышения. Игра Пушкина тоньше: он выбирает амбивалентное имя, «недвусмысленно отнесенное к крестьянскому социальному ареалу и, одновременно, первое из тех, которые он в примечании 13 отнес к “сладкозвучнейшим греческим именам”» [Лотман 1999, 651].

Как видим, ономастика – одна из важнейших областей интертекстуальных встреч Пушкина и Шаховского.

**Бестиарные коды.**  
Это вторая общая сфера. И у Пушкина, и у Шаховского система бестиарных кодов относится к числу любимых поэтических средств. И пересечения на звериных тропах стоят того, чтобы их отметить.

---

<sup>5</sup> Выделено нами. Легко одетая барышня и выюга. Ср.: «Татьяна на широкой двор // В открытом платьице выходит...» [Пушкин 1960, 97] и в стихотворении той же Михайловской поры: «И дева в сумерки выходит на крыльце: // Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!» [Пушкин 1959, 256].

### ***Шпиц***

Наверное, нет преподавателя литературы, который, говоря о 7-й главе «Онегина», не упомянет о ее связи с комедией Грибоедова и не укажет на образ шпиона как несомненное связующее звено. Действительно:

У Пелагеи Николаевны  
Всё тот же друг, мосье Финмуш,  
И тот же шпиц, и тот же муж....  
[Пушкин 1960, 150].

Ровно те же, что у Грибоедова, и шпиц, и муж:  
Ваш шпиц, прелестный шпиц,  
Не более напёрстка,  
Я гладил всё его,  
Как шёлковая шёрстка...  
[Грибоедов 1987, 90].

Мой муж, прелестный муж...  
[Грибоедов 1987, 76].

Но откуда взялся шпиц?  
Вот фрагмент из комедии Шаховского «Не любо не слушай – а лгать не мешай»:

Зарницацкин.  
Да; вот это как случилось:  
К собачкам маленьким княгиня пристрастилась,  
А я уж был влюблён, так спица ей достал,  
Который был так мал,  
Что в день ее рожденья  
Привез его ей в чашке...

Мезецкий.  
Суповой?

Зарницацкин .  
Нет, в чайной.

Мезецкий.  
Быть нельзя!

Зарницкин.

Да только пребольшой.

Княгиня вне себя была от восхищенья!

[Шаховской 1961, 508].

Итак, вот он, первый шпиц в этой цепочке. У Шаховского шпиц, помещаемый в чайную чашку, – один из непрерывных инвенционных пируэтов Зарницкого; иначе говоря – знак вранья. У Грибоедова шпиц еще меньшего размера – «не более наперстка» – знак молчалинского виртуозного умения льстить: в шпице ценится именно маленький размер, и Молчалин употребляет гиперболу (преувеличение маленького размера шпиона) именно в целях лести.

А у Пушкина шпицу уже не нужны яркие гиперболы – их заменит местоимение « тот же »: Пушкин уверен, что шпиц после Шаховского и Грибоедова не сотрется из памяти читателя. Причем в этом местоимении можно увидеть не только интертекстуальный, но и временнOй смысл: он фактически метонимия жизни Пелагеи Николовны, прошедшей путь от молодой княгини Лидиной до старухи Хлестовой. Пушкин берет из своей «мелочной лавки» уравнивающий мужа и шпиона грибоедовский оборот («ваш шпиц, прелестный шпиц»; «мой муж, прелестный муж») – и заменяет его более емким: одним общим местоимением («и тот же шпиц, и тот же муж»). Перед нами просто дуэль на шпицах.

А шпиц у Пушкина встретится и в «Графе Нулине» и даже окажется двигателем сюжета [Львова 2020, 148].

### **Заяц**

О пушкинских зайцах написано немало – в основном, о главном зайце, якобы перебежавшем дорогу Пушкину, после встречи с которым поэт вернулся в Михайловское и «вприсест» (слово А. Битова) написал «Графа Нулина», где зайцы играют заметную роль [Львова 2020, 149]. Битов, тонкий знаток Пушкина, автор драматической сцены «Вычитание зайца» и идеи памятника этому зайцу, проницательно заметил: «Знаменитая история о том, как Пушкин совсем было собрался из Михайловского в Петербург накануне декабрьского восстания, но повернул обратно, потому что ему перебежал дорогу заяц, правомерно существует в виде анекдота, не обременяя биографию поэта... Никому, кроме него, известно не было, что заяц перебежал дорогу. Разве что самому зайцу» [Битов, 2000].

Итак, был ли реальный заяц – неважно. А если не было – откуда взялся в поэзии?

А из комедии Шаховского «Не любо – не слушай, а лгать не мешай»:

Так, тетушка, вы правы,  
Что над приметами не надобно шутить:  
Под Петербургом, от заставы  
Не больше ста шагов,  
Мне заяц три раза перебежал дорогу...  
Ох! это не к добру!..

[Шаховской 1960, 527].

Этого зайца-вестника беды Пушкин подарит Татьяне:  
Когда случалось где-нибудь  
Ей встретить черного монаха  
Иль быстрый заяц меж полей  
Перебегал дорогу ей,  
Не зная, что начать со страха,  
Предчувствий горестных полна,  
Ждала несчастья уж она ...

[Пушкин 1960а, 96].

Как видим, и пушкинский «заячий дискурс» оказывается невозможен без учета Шаховского.

#### *Козла с дворовою собакой*

24 октября 1815 г. лицеисты ознаменовали 4-ю годовщину Лицея постановкой комедии Шаховского «Ссора, или Два соседа» [Слонимский 1936, 24]. Причиной ссоры соседей послужил сущий пустяк:

Виктор (один).  
...проклятая ссора за козла и собаку все испортила...

Орефьевна.  
...как чорт занеси вашего козла на псарной двор Устина Кононыча: гончие собаки его в куски разорвали....

Брустверов:

Слыхано ли дело, старые приятели поссорились за козла,  
да за собаку...

[Шаховской 1821]

Итак, ключевые слова: драка, козел, собака.

Этот лексический набор долго лежит в пушкинской кладовой, ждет своего часа. И дождался — пригодился для развлечения выпускницы французского павильона в деревне:

...Наталья Павловна сначала  
Его внимательно читала,  
Но скоро как-то развлеклась  
Перед окном возникшей дракой  
Козла с дворовою собакой  
И ею тихо занялась...

[Пушкин 1960, 182]

Об этой комедии писали в связи с гоголевской повестью. А связь с пушкинской поэмой пока оставалась незамеченной. А ведь здесь очень интересный случай: комедия Шаховского в прозе, а Пушкин текстовую параллель вставляет в поэму, еще более усиливая и без того разительный сатирический эффект.

Просто для ономастического счета добавим, что в этой комедии героиню зовут Олинька.

Завершая наш очень беглый обзор «шаховских» параллелей у Пушкина, заметим, что игра Пушкина и Шаховского была взаимной: колкий комедиограф не мог не вывести и пушкинских персонажей в своей комедии. В дивертисменте «Еще Меркурий, или романский маскарад» действует граф Нулин:

Граф Нулин.  
Bonjour! Граф Нулин я!  
И, говорят, любезный,  
Хотя вся жизнь моя  
Не кажется полезной.  
Пускай я был ничто  
И свет коптил напрасно,  
Но Пушкиным зато  
Представлен я прекрасно.

[Шаховской 1961, 729]

А.А. Гозенпуд в комментариях пишет: «Почему для характеристики Пушкина-романиста Шаховской выбрал эту шуточную поэму – непонятно» [Шаховской 1961, 803]. Принимая во внимание даже те немногие переклички, о которых мы здесь рассказали, как раз понятно. Круг замкнулся.

Подведем итог. На примере нескольких микросюжетов, основанных на текстуальных перекличках Пушкина и Шаховского из области ономастики и бестиарных кодов, мы показали, как работает микрофилологический метод с текстуальными совпадениями в произведениях разных авторов. Да, часто это очень мелкие единицы текста. Микрофилолог с чисто плюшкинским тщанием собирает все встреченные им мелочи такого рода в свою кладовую, в которой масса «шкафов» и «полок». Пушкин называл такое собрание «мелочной лавкой», Ходасевич говорил о «поэтическом хозяйстве Пушкина» и отмечал, что поэт был в нем «до мелочей бережлив и памятлив» [Ходасевич 1999, 418]. Курциус называл это хозяйство *сорia rерum* и *сорia verborum*; формула «фонд готового слова» здесь тоже подходит. А если еще глобальнее – можно вспомнить Гердеровский «океан поэзии», «стихию», «из которой произведение рождается... и возвращается в нее уже как в систему упорядоченных каноном текстов» [Махов 2010, 7]. «Бери сокровища из древней кладовой», – советовал граф Хвостов [Хвостов 1829, 6].

Если отрешиться от правил академического письма, можно сказать, что фонд готового слова – это упорядоченная плюшкинская кладовая. «Режим Плюшкина» – это форма жизни микрофилолога. Но к плюшкинскому стихийному *inventio* он добавляет *dispositio* (стремление систематизировать и каталогизировать найденные переклички). И тогда со «шкапами» этой «кладовой» легко работать. Текстуальные переклички не знают жанровых границ, легко переходят из комедии в роман и поэму, из прозы в поэзию. Они парят между старым и новым контекстом, сохраняя память об обоих и освещая каждый из них новым светом. Каждая такая мелочь – если не пожалеть времени – может быть развернута в сложный интертекстуальный сюжет.

Разговор о перекличках, параллелях – всегда разговор об органических, генетических связях в русской поэзии. А тут есть не только вены и артерии; бывают и капилляры, тонкие и едва заметные. Величиной со шпица. А то и меньше. Но они есть. И в нашем «шкапе»

фу» «Пушкин-Шаховской» их намного больше, чем мы сегодня представили.

#### Источники

**Битов 2000** – Битов А.Г. *Вычитание Зайца (Занавес. Документальная пьеса. Пушкинский лексикон. Эссе)* // Звезда. 2000. № 12. Электронный ресурс. Код доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/12/vychitanie-zajcza-zanaves-dokumentalnaya-pesa-pushkinskij-leksikon-esse.html> (дата обращения 10.03.2021).

**Грибоедов 1987** – Грибоедов А.С. *Горе от ума*. М., 1987. (Литературные Памятники).

**Жуковский 1959** – Жуковский В.А. *Светлана* // Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. Т.2. М., 1959. С. 18–25.

**Кантемир 1956** – Кантемир А.Д. *Собрание стихотворений*. Л., 1956. (Библиотека поэта. Большая серия).

**Пушкин 1949** – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений: в 16 т.* Т. 12. М.; Л., 1949.

**Пушкин 1959** – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. Стихотворения 1823–1836*. М., 1959.

**Пушкин 1960** – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. Поэмы. Сказки*. М., 1960.

**Пушкин 1960а** – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах. Том четвертый. Евгений Онегин. Драматические произведения*. М., 1960.

**Хвостов 1829** – Хвостов Д.И. *Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова*. Т. 3. СПб., 1829.

**Шаховской 1821** – Шаховской А.А. *Скора, или Два соседа: Комедия в одном действии*. СПб., 1821. Электронный ресурс. Код доступа: <https://bibra.ru/subject/shahovskoj-aleksandr-aleksandrovich/> (дата обращения 10.03.2021).

**Шаховской 1961** – Шаховской А.А. *Комедии. Стихотворения*. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

#### Литература

**Довгий 2020** – Довгий О.Л. *Ольга* // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (152). С. 170–186.

**Иванов 2009** – Иванов Д. *Творчество Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра*. Тарту, 2009. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis Tartuensis; [вып.] 24).

**Лотман 1995** – Лотман Ю.М. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя* // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990. СПб., 1995. С. 472–762.

**Львова 2020** – Львова Алиса. *Бестиарий «Графа Нулина»* // Бестиарий как ars combinatorica (Res et Verba-8). Тула, 2020. С. 142–151.

**Махов 2010** – Махов А.Е. *Европейская поэзия: Темы и вариации* // Европейская поэтика от античности до Эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 7–72.

**Мейер 2004** – Мейер Х. «Онегиных есть много» (имя-цитата в качестве «закладки» и перформативного повторения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI/XVII СПб., 2004. С. 259–284.

**Пеньковский 1999** – Пеньковский А.Б. *Нина: Культурный миф Золотого века в лингвистическом освещении*. М., 1999.

**Прокурина 1999** – Прокурина О. «Евгений Онегин» и русская стихотворная комедия // Russian Language Journal. 1999. Vol. 53. С. 174–176.

**Слонимский 1936** – Слонимский А.Л. *Пушкин и комедия 1815–1820 гг.* // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 23–42.

**Ходасевич 1997** – Ходасевич В.Ф. *О Пушкине* // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 395–511.

### SPITZ, HISS, SHAKHOVSKOY...

© Dovgy Olga Lvovna (2019), ORCID: 0000-0002-3957-7857, SPIN-code: 1275-8614, D.Sc. in Philology, senior research fellow, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russia), olga-dovgy@yandex.ru

The paper presents several microplots based on onomastic and bestiarian parallels of A. Shakhovsky's comedies and Pushkin's «Eugene Onegin» and «Count Nulin». Using the example of «little details» – textual coincidences in works of two authors, most of which are noted for the first time, allowed us to demonstrate the principles of microphilological approach to literary texts concerning the investigation of «stock of the ready-made word» of Russian poetry. The specific feature of this method is in transferring starting point of interpretation to micro-levels: textual coincidences, communal verbal formulas. It is customary to scorn these subtle things; but the collection, systematization, and analysis of the functioning of such convergences allow not only to catch a new (interior) glance at the binary correlated constructive relations of writers but also to see the whole picture of Russian literature in its genetic relationships. Textual interchangers do not know genre boundaries; they easily pass from comedy to novel and poem, from prose to poetry. They float between old and new contexts, retaining the memory of both and throwing new light on each one. Every such «little thing» – if we take our time and trace its «new life» in works of different authors – can be expanded to a complex intertextual plot.

*Keywords:* A. Shakhovskoy, A. Pushkin, «Eugene Onegin», «Count Nulin», ready-made-word stock, microphilological approach to literary text.

### References

(Articles from Proceedings and Research Papers)

**Довгий 2020** – Dovgij O.L. *Ol'ga. Novyj filologicheskij vestnik* [New philological bulletin], 2020, № 1 (152), pp. 170–186. (In Russian).

**Львова 2020** – L'vova Alisa. *Bestiarij «Grafa Nulina»*. Bestiarij kak ars combinatorica (Res et Verba-8). Tula, 2020, pp. 142–151. (In Russian).

**Махов 2010** – Maxov A.E. *Europejskaya poe'ziya: Temy` i variacii* [European Poetry: Themes and Variations]. Evropejskaya poe'tika ot antichnosti do E'poxi Prosveshheniya: E'nciklopedicheskij putevoditel' [ European Poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: An Encyclopedic Guide]. Moscow, 2010, pp. 7–72. (In Russian).

**Прокурин 1999** – Proskurin O. «*Evgenij Onegin* i russkaya stixotvornaya komediya. Russian Language Journal, 1999, vol. 53, pp. 174–176. (In Russian).

**Слонимский 1936** – Slonimskij A.L. *Pushkin i komediya 1815–1820 gg.* [Pushkin and comedy 1815–1820]. Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. Moscow; Leningrad, 1936, Vol. 2, pp. 23–42. (In Russian).

**Ходасевич 1997** – Khodasevich V.F. *O Pushkine* [About Pushkin]. Khodasevich V.F. Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 3, Moxcow, 1997, pp. 395–511. (In Russian).

**Мейер 2004** – Mejer X. «*Oneginy`x est` mnogo*» (*imya-citata v kachestve «zakladki» i performativnogo povtoreniya*) ["There are many Onegins" (name-quote as a "bookmark" and performative repetition)]. Pushkin: Issledovaniya i materialy', vol. XVI/XVII, St. Petersburg, 2004, pp. 259–284. (In Russian).

(Monographs)

**Иванов 2009** – Ivanov D. *Tvorchesvo Shaxovskogo-komediografa: teoriya i praktika naciona'l'nogo teatra* [The work of Shakhovsky as a comedian: theory and practice of national theater]. Tartu, 2009. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis Tartuensis; vol. 24). (In Russian).

**Лотман 1995** – Lotman Yu. M. *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij: Posobie dlya uchitelya* [Pushkin's novel "Eugene Onegin": Commentary: A teacher's guide]. Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zaryadki, 1960–1990. St. Petersburg, 1995, pp. 472–762. (In Russian).

**Пеньковский 1999** – Pen'kovskij A.B. *Nina: Kul'turnyj mif Zolotogo veka v lingvisticheskem osveshhenii* [Nina: The Cultural Myth of the Golden Age in Linguistic Illumination]. Moscow, 1999. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2021